

ИСТОРИЯ, НАРОДНОСТЬ, ПОЛИТИКА И ВОЙНА.

Бесѣды военнаго на современныя темы.

(Продолженіе) ¹⁾.

днако, не только папская власть, но и авторитетъ императора въ началѣ XV столѣтія сильно упали, какъ слѣдствіе раскола высшей власти. Западное христіанство раздѣлилось тогда на два враждебные лагеря, изъ коихъ каждый имѣлъ своего папу и своего императора. Одни народы признавали папой Бонифация IX въ Римѣ, другіе же Бенедикта XIII въ Авиньонѣ; свѣтскими же главами нѣкоторые признавали чешскаго короля Вячеслава IV, а другіе Рупрехта Баварскаго. Когда церковный Соборъ (Пизанскій) обоихъ названныхъ папъ объявилъ отрѣшенными и былъ избранъ новый папа, Александръ V, то первые не пожелали уступить; а такъ какъ всѣ трое имѣли своихъ приверженцевъ, то латинскій міръ дождался одновременно трехъ папъ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», 1914 г., № 5.

Открылась торговля отпущеніемъ грѣховъ и разныя злоупотребленія въ церкви. Порочный образъ жизни служителей католической церкви все больше возбуждалъ благочестивое славянское населеніе Богеміи. Народъ, оскорбленный въ своемъ религіозномъ чувствѣ, вознегодовалъ на своихъ притѣснителей. Интересы духовной жизни, которыми такъ занята мысль человѣческая всѣхъ временъ, были поставлены на очередь вѣрующимъ чешскимъ народомъ, сплотившимся для ихъ защиты.

Дѣятельность чешскихъ реформаторовъ, а въ особенности магистровъ: Іоанна Гуса, ректора Пражскаго университета, и Еронима Пражскаго, долго не выходила изъ границъ стремленія къ устраненію злоупотребленій въ церкви и къ поднятію въ ней дисциплины и благочестія. Идея древне-христіанскаго порядка находилась въ полномъ противорѣчій съ дѣйствительностью. Это довело ихъ до отчаянной попытки осуществленія ея вновь въ христіанствѣ. Къ этому присоединились серьезныя волненія въ пражскомъ университетѣ, дѣлившимся на четыре національныя группы: чешскую, баварскую, саксонскую и польскую и насчитывавшемъ въ 1408 году: 200 докторовъ и магистровъ, 500 бакалавровъ и свыше 30 тысячъ студентовъ. Въ маѣ 1409 года это движеніе окончилось выселеніемъ всѣхъ нѣмецкихъ профессоровъ, бакалавровъ и студентовъ изъ Богеміи въ Германію, гдѣ они основали свои университеты. До того времени Прага была резиденціею императора и центромъ средневропейской культуры. Здѣсь процвѣтали науки, искусства, промышленность и торговля. Вслѣдствіе огромнаго наплыва иностранцевъ, населеніе этого города, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличалось утонченной великосвѣтской жизнью, праздностью и роскошью. Нынѣ же, послѣ выселенія иностранцевъ, подъ вліяніемъ нелицемѣрныхъ проповѣдниковъ древняго христіанскаго благочестія, въ образѣ мыслей и жизни пражскихъ жителей, по свидѣтельству историковъ, произошелъ явный переворотъ въ сторону благочестія.

Многолѣтнюю дѣятельность Гуса, этого истинно рѣдкаго проповѣдника, историки считаютъ однимъ изъ выдающихся явленій вѣка. Но ихъ словамъ, въ проповѣдяхъ Гуса не было ни грубаго фанатизма, ни того фанатическаго бреда или мечтательности, съ которыми слушатели обычно встрѣчались у другихъ проповѣдниковъ того времени. Его проповѣди вызывали каждаго на глубокое раздумье и воздѣйствіе ихъ было продолжительно. Прежде чѣмъ прибѣгать къ сильнымъ и трогательнымъ оборотамъ рѣчи, онъ умѣлъ слушателей подготовить, наставить и убѣдить. Быстрота и ясность

его мысли, особенный даръ сразу опредѣлить и выставить на видъ сущность вещей и явленій, его необыкновенно глубокая образованность, тонкость въ научныхъ вопросахъ вообще и въ знакомствѣ со Священнымъ Писаніемъ въ особенности, разительная, ясно логическая его манера защиты положеній, сведенныхъ въ систему, все это доставляло ему рѣшительное преимущество среди современниковъ. Къ этому присоединялось серьезное его обращеніе съ каждымъ, благочестивая мысль, твердая воля, непоколебимая вѣра; безупречное, даже по свидѣтельству его враговъ, поведеніе, нѣжная привязанность къ друзьямъ, безкорыстіе, горячее стремленіе къ облагороженію народа и къ исправленію нравственности и всего порочнаго въ церкви и народѣ, къ устраненію постыдныхъ явленій тогдашняго времени—все это совмѣщалось въ немъ, рядомъ съ необыкновенною смѣлостью и энергіею, безпощадностью къ врагамъ благочестія и страстнымъ желаніемъ заслужить любовь народа и ту славу, которая находитъ высшій свой предѣлъ въ мученичествѣ. И, дѣйствительно, онъ заслужилъ великую любовь всего населенія. Въ защиту его ученія поднялась вся Чехія.

Римъ обвинилъ Гуса въ ереси и въ подрывѣ авторитета церкви. Зарождающійся въ Чехіи гуситизмъ возбуждалъ противъ чеховъ не только католическое духовенство, но и свѣтскую власть. По инициативѣ короля Сигизмунда, папа Іоаннъ XII въ 1414 г. созвалъ новый церковный Соборъ въ г. Констанцѣ, который осудилъ и предалъ сожженію главныхъ духовныхъ вождей чешскихъ: 6-го іюля 1415 г. Іоанна Гуса, а 30-го мая 1416 г. Еронима Пражскаго.

Казнь Гуса произвела въ Чехіи потрясающее впечатлѣніе. Въ спорѣ, волновавшемъ тогда всѣ умы, былъ произнесенъ безапелляціонный приговоръ величайшаго въ то время авторитета: церковь, въ лицѣ верховныхъ своихъ представителей, предала проклятію всю дѣятельность, дорогихъ народу, духовныхъ его вождей.

Во всей Богеміи и Моравіи народъ началъ безчинствовать, направляя свою злобу преимущественно противъ католическаго духовенства, какъ главныхъ виновниковъ, по мнѣнію народа, казни Гуса и поруганія чести народной. Происходили ужасные погромы. Въ провинціи дворяне выгоняли католическихъ священниковъ изъ приходоу. Послѣ казни Еронима возбужденіе достигло крайнихъ предѣловъ. Чешскій народъ не могъ совмѣстить съ чувствомъ правды и справедливости то обстоятельство, что дѣятели, жившіе по Божьему и усердно заботившіеся о нравственномъ его благополучіи, осуждены были на жесточайшую смерть заклятыми ихъ врагами,

жизнь которыхъ была полна пороковъ и слабостей. Магистры Пражскаго университета обратились къ народу съ воззваніемъ о правильности причащенія мірянъ подь обоими видами. Возбужденный народъ повсемѣстно собирался толпами и освобождалъ задержанныхъ за такое причащеніе. Тщетно вмѣшивались слабые католическіе гарнизоны; разъяренныя толпы въ слѣпомъ неистовствѣ убивали ихъ, брали приступомъ ратуши и прочія присутственныя мѣста, замѣняя должностныхъ лицъ своими. Началось жесточайшее въ исторіи народное возстаніе.

Наряду съ возгорѣвшимся фанатизмомъ среди вѣрующихъ, въ подонкахъ населенія проснулись дурныя инстинкты, выразившіеся въ самыхъ дикихъ безчинствахъ. Погасла любовь, исчезло спокойствіе и не прекращались безчисленныя преступленія, неслыханныя по своей жестокости. Началась безошадная война, въ которой народъ погибалъ сотнями тысячъ; исчезали крѣпости и цѣлые города, деревни же пронадали отъ пожаровъ. Цвѣтущіе до того края превращались въ пустыни. Всѣ общественныя связи порвались; рухнули стародавніе устои порядка. Дикія толпы не щадили ни произведеній наукъ и искусствъ, ни памятниковъ древней культуры, ни даже святынь. Озвѣрѣли люди, и человѣческая мысль до-нельзя ожесточилась. Гнусныя дѣла того времени не поддаются описанію. Безпримѣрныя жестокости вызывали плачь и отчаяніе во дворцахъ и лачугахъ.

Подобныхъ ужасовъ не было бы, если бы чехи, проникшіеся релігіознымъ фанатизмомъ, не испытывали грубѣйшихъ насилій со стороны почти всего Западнаго христіанства, враждовавшаго съ ними и грозившаго имъ гибелью. Ихъ вынудили бороться на жизнь и смерть. Притомъ одна сторона обвиняла другую: старая церковь требовала безошаднаго истребленія отступниковъ и нововѣрцевъ, а эти послѣдніе вѣрили, что на ихъ сторонѣ правда, право и даже обязанность направить на путь истины удалившуюся отъ слова Божія іерархію. По словамъ историковъ, римская іерархія произвольно лишала престола свѣтскихъ государей, проповѣдывала кровавыя войны подь знаменемъ святаго креста, предавала инквизиціи и сжигала еретиковъ, продавала отпущенія грѣховъ, публично торговала святынями и, живя въ порокахъ, допускала много другихъ непристойностей, перечисленіе которыхъ тѣ же историки находили скорѣе неудобнымъ, чѣмъ затруднительнымъ.

Чешскій народъ считалъ себя призваннымъ окончить дѣло, начатое казнеными въ Констанціѣ проповѣдниками своими. Онъ вѣ-

рилъ, что не заблужденіями было то, за что они пострадали. И хотя въ дѣлахъ вѣры и религіи грубая сила и орудія смерти—наименѣе компетентные судьи, но чехи не первые прибѣгли къ оружію: на искренній ихъ призывъ о любви, мирѣ и спокойствіи, имъ въ теченіе многихъ лѣтъ отвѣчали тысячи властныхъ голосовъ: «нѣтъ примиренія съ еретиками и нѣтъ имъ пощады; кто щадитъ ихъ, самъ становится еретикомъ!» Римская іерархія не перестала настаивать передъ всѣмъ міромъ на безпощадномъ истребленіи гуситовъ.

Началась борьба, на результаты которой чехи впоследствии могли оглянуться съ удовлетвореніемъ. Во всемірной исторіи мало примѣровъ, чтобы народъ столь малочисленный проявилъ столько силы, мужества, воодушевленія, самоотверженія и твердости, какъ чехи во время гуситскихъ войнъ. Это признають даже многіе нѣмецкіе историки, какъ, напримѣръ, извѣстный въ свое время Генрихъ Луденъ, который говоритъ: «когда возгорѣлась война, чехи, подъ предводительствомъ въ началѣ Жишки и потомъ обоихъ Прокоповъ, проявили столько ума, столь могучую силу, такъ много характера и столько искусства, что нельзя смотрѣть на ихъ святую борьбу безъ удивленія и искренняго сочувствія».

Военные начальники гуситовъ не добивались, ни славы, ни богатства, ни власти или могущества: они жертвовали всегда и всюду жизнью и имуществомъ за святое дѣло вѣры и совѣсти своего народа.

Хотя гуситы со всѣхъ сторонъ были окружены превосходными по силѣ внѣшними врагами, а у себя на родинѣ многочисленными внутренними, но они отразили всѣ нападенія и одержали побѣду надъ Западнымъ католическ. христіанствомъ, принудивъ, въ концѣ концовъ, молить о мирѣ тѣхъ, которыхъ тщетно такъ долго просили о немъ. Кромѣ множества кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ военное счастье и успѣхъ казались какимъ-то чудомъ прикованными къ знаменамъ чешскимъ, исторія передаетъ просто невѣроятные факты, вроде бѣгства громадной хорошо организованной арміи еще до начала рѣшительнаго боя съ чехами. Нечего потому удивляться, что гуситы стали вѣрить въ чудесное заступничество Божіе въ бояхъ, приписывая свои побѣды не заслугамъ своихъ вождей и воиновъ, а влиянію свыше, защитѣ самимъ Богомъ правды. Ссылка нѣкоторыхъ историковъ на грубый слѣпой фанатизмъ чеховъ въ данномъ случаѣ не вполне основательна, уже потому, что фанатически на-

строены были обѣ стороны, враги гуситовъ чуть ли даже не больше; ибо, если въ началѣ гуситскихъ войнъ мотивомъ для нихъ служила вѣра, борьба «за правду Божію», причемъ настроеніе чеховъ, стѣсненныхъ въ вѣрѣ, могло превосходить настроеніе ихъ противниковъ, то въ послѣдствіи въ эту войну влилась также и вся племенная вражда, издавна волновавшая одинаково нѣмцевъ, какъ и славянъ. Еще менѣе рѣшала въ данномъ случаѣ грубая физическая сила, которой несомнѣнно было больше на сторонѣ враговъ чешскаго народа.

На дѣлѣ же главныя условія столь счастливаго веденія войны со стороны чеховъ заключались не только въ отвагѣ и непреклонномъ духѣ доблестныхъ гуситскихъ воиновъ, вышедшихъ изъ народа, обладавшаго такими боевыми качествами, каковыхъ очевидно не доставало ихъ противникамъ, но, кромѣ того, также и въ гениальности ихъ военачальниковъ, опередившихъ своихъ современниковъ въ военномъ искусствѣ и превосходившихъ ихъ своими организаторскими способностями.

Блестящее превосходство, оказавшееся на сторонѣ гуситовъ, было, конечно, прежде всего духовнаго, нравственнаго свойства. Это было общее сознаніе своей правоты и также причиненной святѣйшимъ интересамъ народа кривды. Много значенія имѣло и то обстоятельство, что чешскій народъ въ то время былъ болѣе развитъ культурно, чѣмъ народъ нѣмецкій, такъ какъ, благодаря патріотической доблести чешскихъ государей того времени, а въ особенности Карла IV, короля чешскаго и императора римскаго, Богемія фактически была центромъ культуры не только чешской, но и нѣмецкой. Чешскія науки и литература процвѣтали и были извѣстны на всемъ западѣ Европы. Число народныхъ школъ и городскихъ училищъ было весьма значительно. Наконецъ, среди чешскаго простонародья въ началѣ XV вѣка преобладала большая, чѣмъ гдѣ либо на западѣ Европы, личная свобода и образованность. Въ то время среди чешскихъ крестьянъ были грамотны даже женщины. Западный феодализмъ былъ еще мало извѣстенъ въ Богеміи. Старославянскій, демократическій духъ тогда еще сохранился здѣсь, въ народѣ, не знавшемъ вовсе физической неволи. Ему было чуждо обычное тогда въ нѣкоторыхъ странахъ западной Европы понятіе, что можно родиться наслѣдственной собственностью другихъ. Различія сословій основывались здѣсь больше на наслѣдственности имуществъ; одни родились богатыми, другіе бѣдными и до тѣхъ поръ, пока первые не потеряли и послѣдніе не приобрѣли

имущества, тѣ были господами или хозяевами, а эти слугами; рѣзкій же кастовый духъ западной Европы въ то время только едва началъ касаться Богеміи. Около $\frac{2}{3}$ всей земли принадлежало свободнымъ «земанамъ», составлявшимъ ядро чешской національности; самые выдающіеся изъ нихъ назывались, по примѣру Европы, «рыцарями», хотя никто ихъ, пожалуй, въ рыцари не посвящалъ; остальные назывались просто владѣльцами (по чешски «владыками»). Крупныхъ владѣній знати было еще немного. Въ городахъ жило, рядомъ съ чешскими горожанами, немало нѣмецкихъ «бюргеровъ», которые однако во время гуситскихъ войнъ большею частью выселились.

Гуситскія войны продолжались 12 лѣтъ, въ теченіе которыхъ римскими папами, совместно съ императорами, было организовано пять крестовыхъ походовъ противъ чеховъ. Подобно тому, какъ въ свое время всѣмъ отправляющимся въ Палестину, для освобожденія гроба Господня отъ турокъ, даровано было отпущеніе грѣховъ, точно также и въ данномъ случаѣ папскими буллами призывалось все христіанство къ оружію противъ чеховъ, причемъ отпущенія грѣховъ удостоивались всѣ, кто принялъ крестъ войны лично или же своими же средствами вооружилъ за себя другихъ. Проповѣдывали крестовый походъ въ Германіи, во Франціи, Англии, Испаніи, въ Польшѣ, Венгріи. Въ каждомъ изъ походовъ участвовало отъ ста до двухъ сотъ тысячъ конныхъ и пѣшихъ крестоносцевъ, не считая мѣстныхъ (находившихся въ Богеміи) войскъ нѣмецкихъ. Во время всей этой двѣнадцатилѣтней войны крестоносцы не одержали ни одной побѣды; послѣдній же крестовый походъ окончился 15-го августа 1431 г., подъ Домажлицами, позорнымъ бѣгствомъ, еще до столкновенія всей арміи крестоносцевъ, состоявшей изъ 90 тысячъ пѣшихъ и 40 тысячъ конныхъ, подъ начальствомъ извѣстныхъ въ то время военачальниковъ. Крестоносцы не выдержали вида наступавшихъ чеховъ, приближавшихся съ громкимъ пѣніемъ извѣстной своей боевой пѣсни: «Ратники Божьи». Огромное большинство бѣжавшихъ было истреблено.

Организаторомъ и душою боевыхъ силъ гуситовъ, ихъ учителемъ, создателемъ своеобразной ихъ тактики и главнымъ вождемъ во всѣхъ сраженіяхъ до окончанія 3-го крестоваго похода, былъ непобѣдимый 60 лѣтній рыцарь Янъ Жижка изъ Троцнова, участникъ всѣхъ войнъ, какія въ его время были въ Европѣ. Послѣ его смерти съ равнымъ успѣхомъ предводительствовалъ гуситами ученикъ—помощникъ Жижки, Прокопъ Великій.

Жижка былъ не случайнымъ героемъ, каковыхъ иногда создаетъ продолжительная война, а искуснымъ, истинно гениальнымъ военачальникомъ и тактикомъ. Онъ создалъ изъ гуситовъ несокрушимую силу, далеко опередившую свое время, непобѣдимую, вследствие превосходства своей тактики, организаціи, вооруженія и безподобной дисциплины.

Въ концѣ XIV столѣтія онъ воевалъ въ Польшѣ, на Литвѣ и на Руси; затѣмъ участвовалъ 15-го іюля 1410 г. въ битвѣ подъ Грюнвальдомъ, въ Англо-французской войнѣ (при Азинкурѣ, 1415 г.) и другихъ походахъ.

Безъ Жижки гуситское движеніе никогда бы не достигло тѣхъ размѣровъ, каковыя оно приобрѣло на дѣлѣ. Жижка, правда, самъ былъ фанатикомъ вѣры; онъ немилосердно истреблялъ тѣхъ, кто не жилъ по закону Божію. Снисхожденіе, неполнота чувствъ и колебаніе казались ему мерзостью передъ Господомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы на его родинѣ не было другихъ людей, кромѣ искреннихъ, твердыхъ христіанъ. Онъ пренебрегалъ всякимъ примиреніемъ съ врагами, но добросовѣстно выполнялъ, что обѣщалъ.

Въ качествѣ гусита крайняго лагеря, онъ не признавалъ сословныхъ различій, не любилъ пѣмцевъ и сердечно привязался къ славянству. Онъ брался за оружіе, по собственному его выраженію: «во имя правды, закона Божія и ради сохраненія языка чешскаго и славянскаго». Былъ онъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей, для которыхъ славянская идея служила побужденіемъ къ дѣлу. Былъ образованъ, обладалъ даромъ краспорѣчія, но ему совершенно не доставало того искусства, при помощи котораго римляне и германцы умѣли приобретать и сохранять господство надъ другими народами; онъ былъ и въ этомъ отношеніи настоящимъ славяниномъ. Чехи, подъ предводительствомъ Жижки, были непобѣдимы, но воспользоваться своими побѣдами для политическихъ цѣлей не умѣли.

Жижка набиралъ свои войска изъ крестьянъ или «земанъ». Среди нихъ почти не было неграмотныхъ. По свидѣтельству современнаго (католическаго) историка, Энея Сильвія, посѣтившаго лагерь таборитовъ, у нихъ читать и писать умѣли почти всѣ женщины. Жижку всегда сопровождалъ его штабъ съ канцеляріею.

Какъ полководецъ, Жижка принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ въ военной исторіи вождей, которые могли похвалиться тѣмъ, что большихъ и малыхъ сраженій они дали почти безъ числа, но никогда не терпѣли пораженій, справедливо заслуживъ названіе непобѣдимыхъ. Притомъ на сторонѣ его противниковъ всегда было

численное превосходство силъ и средствъ. Его способъ веденія войны былъ остроумный, рациональный. Характерные боевые его приемы были: неслыханная въ то время быстрота и рѣшительность дѣйствій, искусная развѣдка, даръ безъ колебаній выбирать лучшія боевыя рѣшенія и позиціи и отдавать твердыя безошибочныя приказанія. Не разъ прибѣгалъ онъ и къ военнымъ хитростямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣлъ доставить перевѣсъ нравственнымъ качествамъ надъ грубой силой. Обыкновенно онъ не начиналъ боя, не выбравъ прежде для него такую мѣстность, на которой сама природа не была бы ему сильнымъ союзникомъ, и, несмотря на это, онъ всегда еще усиливалъ природныя преимущества своихъ позицій окопами, быстро возводимыми по всѣмъ правиламъ искусства. Битвы, имъ данныя, обыкновенно начинались обороной: но, ориентировавшись въ положеніи противника, онъ съ неимоверной быстротой доводитъ бой до развязки. Онъ придавалъ рѣшающее значеніе въ бою уже не конница, какъ это было до того времени, а пѣхотѣ вмѣстѣ съ артилеріею. Его войска маневрировали, строились и перестраивались въ высшей степени стройно и легко, по командамъ и знакамъ, которые исполнили всѣ, какъ одинъ человѣкъ. Войска его очевидцы сравнивали съ громаднымъ несодolimымъ чудовищемъ, всегда послушнымъ единой волѣ своего начальника. Это было органическое цѣлое, состоявшее изъ отдѣльныхъ хорошо обученныхъ частей. Примѣняя усовершенствованное оружіе, онъ совершенно измѣнилъ организацію, тактику и обученіе войскъ, замѣнивъ отжившія средневѣковыя формы прежняго боевого порядка болѣе цѣлесообразными. Съ удивительнымъ искусствомъ онъ впервые примѣнялъ, въ массахъ, стрѣлковъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, и артилерію, на особо приспособленныхъ подвижныхъ боевыхъ повозкахъ, съ вышколащенными, по особому уставу и командамъ, возницами и лошадьми. Эти подвижныя батареи и посаженные на боевыя повозки стрѣлки были неподобны. Они всегда дѣйствовали съ поразительнымъ успѣхомъ, который въ наше время трудно себѣ представить. Дѣйствіе войскъ Жижки на неподвижныя арміи его противниковъ можно сравнить развѣ съ фантастическимъ представленіемъ о появленіи, передъ нашею современною арміею, вдругъ цѣлою массой сказочныхъ, неуязвимыхъ современнымъ огнемъ, бронированныхъ самоходовъ гигантскихъ размѣровъ, чрезвычайно подвижныхъ и, съ своей стороны, вооруженныхъ такимъ оружіемъ, сравнительно съ которымъ вся наша современная артилерія была бы беспильна.

Соблюдая всегда крайнюю экономію силъ, Жижка быстро со-

средоточивалъ на важныхъ пунктахъ или выдвигалъ куда нужно свои силы; всѣ его маневры были цѣлесообразны. Такъ какъ въ то время начинала чувствоваться уже потребность въ войскахъ, специально подготовляемыхъ къ войнѣ и усматривающихъ въ ней свое призваніе, т.-е. въ войскахъ постоянныхъ, каковыхъ до того времени не было, то Жижка создалъ себѣ таковыя. Такъ называемое «военное братство», т.-е. строго дисциплинированное военное товарищество, созданное съ этою цѣлью въ гуситскихъ или чешскихъ «полевыхъ ротахъ», удержалось въ этихъ воинскихъ частяхъ еще долго послѣ водворенія въ Богеміи мира, въ такой степени, что эти «роты» вовсе не пожелали расходиться, а уходили въ чужіе края, гдѣ занимались на время случавшихся военныхъ походовъ. Для нихъ существовалъ подробный военный наказъ Жижки 1423 года, по которому долго потомъ обучались не только чешскія войска, но и воинскія части другихъ народовъ.

Возвращаясь къ специальности гуситскаго способа веденія войны — къ боевымъ ихъ повозкамъ, слѣдуетъ объяснить, что это были не древніе вагенбурги, въ смыслѣ приспособленныхъ для обороны обозовъ римскихъ и еще болѣе отдаленныхъ временъ. Гуситскіе боевые вozy имѣли значеніе не только для оборонительнаго, но и для наступательнаго образа дѣйствій. Это специальное изобрѣтеніе Жижки, который большую часть своихъ побѣдъ одержалъ, именно благодаря искусному примѣненію въ бою цѣлой системы построенныхъ въ нѣсколько линій вооруженныхъ повозокъ, быстро перестраиваемыхъ, то выдвигаемыхъ для наступленія, то смыкающихся для обороны, крайне прихотливыми линіями. Недаромъ отъ гуситовъ переняли этотъ способъ воевать, не только ихъ противники, снабдившіе, еще до окончанія гуситскихъ войнъ, свои арміи такими же массами боевыхъ повозокъ, но отчасти даже и польскія, литовскія войска и казаки, перенявшіе отъ чешскихъ «полевыхъ ротъ» всю ихъ тактику.

Уже въ 1413 г., по распоряженію короля Вячеслава IV, вѣроятно при участіи Жижки, была издана въ рукописи военная инструкція, въ которой упоминается о тактикѣ возовыхъ боевыхъ колоннъ. Сохранилась подробная чешская терминологія того времени, интересная тѣмъ, что многіе славянскіе, чешскіе ея термины свидѣтельствуютъ о томъ, что тактика и вооруженіе гуситовъ не были чехами позаимствованы цѣликомъ отъ другихъ народовъ, а что, напротивъ, они были изобрѣтателями и первыми инициаторами многихъ нововведеній въ военномъ дѣлѣ. Не говоря о древнемъ

ручномъ оружїи: мечахъ, копьяхъ, «цѣпахъ» (молотильныхъ цѣпахъ, приспособленныхъ къ рукопашному бою), палицахъ, «оштѣпахъ» (булавахъ), «сулицахъ», «павезахъ» (спеціальное оружіе на боевыхъ повозкахъ), стародавнихъ «самострѣлахъ» и «кушяхъ», гуситы употребляли уже самое разнообразное огнестрѣльное оружіе: «ручницы», «гаковницы», «шрубницы», «гарцовницы», «гоуфницы» (т.-е. орудія, изъ которыхъ стрѣляли въ толпы, по чешски «гоуфы», позднѣйшія гаубицы), «пиштяли» (т.-е. пищали, свирѣли, длинные орудія наименьшаго калибра, прозванныя такъ изъ-за своего наружнаго сходства со свирѣлью) и «дѣла» (обыкновенныя полевыя орудія). Далѣе среди вооруженныхъ людей различали: «стрѣльцовъ», «цѣбниковъ», «копйиниковъ», «судличниковъ», «павезниковъ», а по роду службы въ походѣ и въ бою: «страценцевъ» (отправленныхъ на самыя опасныя, отдаленныя посты), «кониборокъ» (людей, реквизировавшихъ и обучавшихъ лошадей), «гонцовъ» (скороходовъ), «посыльцевъ», «гарцовниковъ» (наѣздниковъ), «возниковъ» (солдатъ, сражавшихся на возахъ), «возатаевъ» (возничихъ), «пицонниковъ» (фуражировъ), «прачатыхъ» (пращниковъ при осадныхъ машинахъ, когда не хватало артилерїи). Наконецъ, сохранились названія полевыхъ частей особаго назначенія: «вальные» (главные) отряды, «збытніе» (лишніе) отряды, т.-е. резервы и т. д.

Въ каждой тысячѣ гуситскихъ войскъ обыкновенно было 900 пѣшихъ и 100 конныхъ людей, при 50 боевыхъ повозкахъ, т.-е. при каждой повозкѣ состояло кромѣ 2 конныхъ: 1 возничій, 4 павезницы и 13 стрѣлковъ, а всего 20 человѣкъ. Такимъ образомъ, вся пѣхота была посажена на боевыя повозки. Обязанности каждаго во время отдыха, въ походѣ и въ бою были строго опредѣлены полевымъ уставомъ. Боевыя повозки были снабжены, между прочимъ, также и всѣмъ необходимымъ для исправленія дорогъ, для починки самыхъ повозокъ, для возведенія окоповъ и пр.

Боевыя повозки двигались справа или слѣва рядами. Такихъ рядовъ было обыкновенно 4—6, т.-е. два наружныя («крайнїе») и отъ 2 до 4 внутреннїе («плацныя»), но, въ случаѣ сбора болѣе значительныхъ армїй, было и больше рядовъ. Наружныя линїи всегда были, въ обоихъ концахъ, нѣсколько длиннѣе внутреннїихъ, на такъ называемыя «крылья», т.-е. настолько, чтобы въ случаѣ надобности могли сомкнуться, заключая въ середину внутреннїе ряды. Вozy наружныхъ линій были снабжены отложными досками и бледами въ сторону непрїятеля, а возничїе—павезами, и были вооружены вставленнымъ въ нихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и полевыми пушками. Для обороны повозки скрѣплялись между собою цѣпями.

Всѣ остальные люди, запасныя лошади, женщины, дѣти и провіантъ слѣдовали съ обозомъ, въ серединѣ строенія, а конница двигалась внѣ колоннъ повозокъ; но, въ случаѣ нападенія непріятели въ превосходныхъ силахъ, она скрывалась въ подвижной крѣпости.

Больше всего ловкости выказывали возничіе. Тщательное ихъ обученіе, выѣздка лошадей, акуратность и подвижность, съ которой они, на большихъ аллюрахъ, перестраивались, по знакамъ своихъ вождей, возбуждали общее удивленіе.

А. Чербинка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

